

В.Ю. Катасонов

ДОСТОЕВСКИЙ

О НАУКЕ,
КАПИТАЛИЗМЕ
И ПОСЛЕДНИХ ВРЕМЕНАХ

Валентин Юрьевич Катасонов Достоевский о науке, капитализме и последних временах

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57088410

*Достоевский о науке, капитализме и последних временах. / Валентин Катасонов: Кислород; Москва; 2020
ISBN 978-5-907342-08-8*

Аннотация

Литература по Достоевскому и его творчеству безбрежна, однако до сих пор в ней остаются белые пятна. Автор книги пытается восполнить некоторые такие пробелы. Речь идет о взглядах великого русского писателя, выражаемых через слова и мысли героев, о роли науки и техники в обществе и истории, о деньгах и ростовщичестве, представлениях о прекрасном и безобразном (вопросы эстетики). Особое внимание в его творчестве уделяется теме русского капитализма (никто из историков и писателей, кроме Достоевского, не оставил нам такую натуралистичную и страшную картину перехода традиционной России к капитализму). Достоевский – писатель пророческий. Многие его предсказания подтверждались отечественной историей XX века и событиями сегодняшнего дня.

В книге содержится подробный разбор поэмы (легенды) о Великом инквизиторе – самого яркого (по мнению автора) произведения Достоевского. Также раскрывается тезис о том, что Достоевский – наиболее эсхатологический писатель в русской литературе.

Содержание

Введение	7
Настоящее и будущее России глазами Достоевского	12
Полтора века назад писатель опубликовал роман «Идиот» и приступил к написанию романа «Бесы»	12
Наука вместо Бога?	28
Роман «Бесы» о «мудрости мира сего» (речь Ивана Шатова)	28
Наука становится богом	32
На началах науки и разума народ устроиться не может	41
О полунатуре и полуинтеллигентах	44
Полуинтеллигенты Достоевского	47
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Валентин Катасонов
Достоевский о науке,
капитализме и
последних временах

© Валентин Катасонов, 2020

© Издательский дом «Кислород», 2020

© Дизайн обложки – Георгий Макаров-Якубовский, 2020

Введение

Вашему вниманию, уважаемый читатель, предлагается книга, представляющая собой сборник статей и очерков, посвященных творчеству великого русского писателя Федора Михайловича Достоевского. Не так давно вышла моя книга по художественной литературе¹, где я уже касался некоторых произведений Достоевского и поднятых в них вопросов. Пытаясь в той книге выявить самых талантливых и глубоких русских писателей XIX века, я назвал трех: Александра Пушкина, Николая Гоголя и Федора Достоевского. Меня тогда особенно «зацепил» Достоевский. После выхода той книги я продолжил размышлять над романами, повестями и рассказами Федора Михайловича и класть на бумагу свои размышления. Появилось достаточно много статей и очерков, которые я решил сложить в сборник, который вы держите в руках.

Всю художественную литературу я условно делю на две части. Первая – та, которая может быть на момент выхода произведения очень интересной, захватывающей и интригующей. Одним словом, востребованной читательской аудиторией. Но проходит лет десять (условно), и она превращается в макулатуру. Мягко говоря, происходит «моральное старе-

¹ Катасонов В. Ангелы и демоны литературы. Полемические заметки «непрофессионала» о «литературном цехе». – М.: Кислород, 2020.

ние» произведения. Такой продукции из «литературного цеха» выходит 99 % (условно). Другая часть – произведения, которые со временем становятся, наоборот, все более актуальными и востребованными. Таких – (условно) 1 %. Это, наверное, то, что и называется классикой. Так вот, произведения Достоевского – именно тот один условный процент. Может быть, при жизни Федора Михайловича многими его современниками они воспринимались настороженно и даже враждебно. Писателя обвиняли в «неадекватности» (достаточно вспомнить тогдашнюю реакцию на роман «Бесы»). Талант Достоевского пророческий, многие его произведения очень точно описывают и объясняют события сегодняшнего дня и подсказывают, что еще может произойти в последующие десятилетия XXI века.

Литература по Достоевскому и его творчеству безбрежна. Я пытался увидеть в его романах то, на что другие исследователи обращали меньше внимания или не замечали вовсе. Среди таких не до конца проясненных вопросов творчества писателя я выделяю его отношение к науке и технике (высказанное через героев произведений или напрямую в «Дневнике писателя»).

Отношение Достоевского к эстетике обычно характеризуют короткой (часто вырванной из контекста) фразой «Красота спасет мир» из романа «Идиот». А между тем отношение писателя к эстетике, красоте и безобразному было намного сложнее. Хотя эту тему затрагивали исследователи творче-

ства Достоевского, я считаю, что до конца она еще не раскрыта. Поэтому тема эстетики также попала в поле моего зрения.

Как экономист я, конечно, обратил внимание на тему денег и ростовщичества, которая проходит красной нитью через большинство произведений Достоевского. Мне даже пришлось провести широкое исследование по теме «ростовщичеств художественной литературе». Я пришел к выводу, что в истории мировой литературы эта тема была наиболее полно раскрыта именно Достоевским.

Еще одна тема, проходящая через большинство произведений писателя, – капитализм вообще и русский капитализм в особенности. Я не побоюсь сказать, что почти все произведения писателя пропитаны антикапиталистическим пафосом. Почему-то на эту сторону творчества писателя почти никто не обращал внимания. Видимо, потому что во времена Достоевского не было слова «капитализм» – его, соответственно, в произведениях писателя мы не найдем. Но по духу произведения имеют антикапиталистическую направленность. Объясняется это тем, что творческий период жизни писателя приходится на 1860-1870-е годы – время реформ Александра II. Эти реформы ломали традиционную жизнь России и насильно втягивали русский народ в капитализм. Этот переход был драматическим, ломал судьбы людей, породил нигилизм, программировал будущие революции. Никто из писателей и историков так ярко и драматич-

но не описал этот отрезок русской истории, как это сделал Достоевский в своих романах «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы», которые вкуче иногда именуются «Пятикнижием Достоевского».

Считаю, что в творчестве Достоевского наиболее ярким произведением является поэма (легенда) о Великом инквизиторе. Это даже не отдельное произведение, а достаточно автономный фрагмент романа «Братья Карамазовы». Легенда очень небольшая (страниц десять текста), но объясняющая многое из того, что происходило в мире с того времени, к которому относится история Великого инквизитора (XVI век). И, наверное, она способна объяснить многое из того, что происходит в мире и России в наши дни. По сути, Великий инквизитор – прообраз грядущего антихриста. Думаю, что Владимир Соловьев, который писал «Краткую повесть об антихристе», а также Лев Тихомиров, создававший свой фундаментальный труд «Религиозно-философские основы истории» и роман «В последние дни», не могли не опираться на легенду о Великом инквизиторе.

Достоевского справедливо называют эсхатологическим писателем или человеком Апокалипсиса. Он хорошо чувствовал конечность этого земного мира, одновременно веруя в то, что человеческая жизнь не кончается смертью тела в этом мире. Добрая половина героев Достоевского так или иначе мучается «вечными вопросами»: есть ли Бог? Бессмертна ли человеческая душа? Как спастись? Почему (если

Бог есть) в мире такая несправедливость? И т. п.

Слава Богу, сегодня, когда тучи над Россией и всем миром сгустились (объяснять это не буду, и так все понятно), многие люди стали задавать подобные вопросы (раньше им было не до них). И я думаю, что если они начнут читать (или перечитывать) Достоевского, то смогут найти и спасительные для себя ответы. Так что задача моей книги вполне понятна и проста – заинтересовать читателя Достоевским. Время показало, что он действительно классик.

Настоящее и будущее России глазами Достоевского

*Атеист не может быть русским, атеист
тотчас же перестает быть русским.*
Ф. М. Достоевский

Полтора века назад писатель опубликовал роман «Идиот» и приступил к написанию романа «Бесы»

Федор Михайлович Достоевский, великий русский писатель, очень современен. Читаешь его романы и порой забываешь, что события происходят в XIX веке. Уж очень многое напоминает сегодняшний день нашей жизни в Российской Федерации. Герои романов Достоевского размышляют о «вечных вопросах» (есть ли Бог, бессмертна ли душа человека, почему Бог допускает в мире зло и несправедливость и др.) во вполне конкретных условиях российской истории. Жизнь героев протекает на том фоне, на который литературоведы, изучающие творчество Достоевского, порой

не обращают должного внимания. А этот фон можно назвать русским капитализмом, который был порожден реформами в период царствования Александра II. Фактически в стране происходила буржуазная революция, которая неумолимо влекла Россию к трагедии 1917 года. И историю этой революционной ломки русской жизни можно и нужно изучать по романам и другим произведениям Федора Михайловича Достоевского. Время творчества Достоевского точно совпало со временем проведения реформ. И Федор Михайлович, образно выражаясь, писал «с натуры» буржуазную революцию в России. Революцию, которая незаметно, но неумолимо превращалась в перманентную смуту, которая терзала Россию вплоть до новых революций начала XX века.

Спустя почти полтора столетия Россия вновь наступила на «грабли» буржуазной революции, и сегодня мы переживаем многое из того, что выпало героям романов Достоевского. «Картины», «этюды» и «рисунки» Достоевского, сделанные «с натуры», помогут нашим современникам лучше понять, в каком мире они живут и куда этот мир движется.

Полтора века назад (в 1869 году) увидел свет второй выдающийся роман Достоевского «Идиот», который Федор Михайлович писал в 1867–1869 годах (первым значительным романом стало «Преступление и наказание», впервые опубликованное в 1866 году). И ровно полтора века назад, в начале 1870 года, Достоевский приступил к новому своему роману, названному «Бесы». Кстати, из «Пятикнижия» Досто-

евского (имеются в виду пять его основных романов: «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы») роман «Бесы», пожалуй, самый политизированный. Напомню кратко, что он был создан Федором Михайловичем под впечатлением зарождающихся террористического и радикального движений в среде русских интеллигентов и разночинцев. Позднее эти движения получили название «нечаевщина» – по имени *Сергея Нечаева*, одного из наиболее активных нигилистов, который не брезговал убийствами и террористическими актами ради достижения своих целей. Непосредственным прообразом сюжета романа стало вызвавшее большой резонанс в обществе дело об убийстве студента *Ивана Иванова*, задуманное С. Г. Нечаевым с целью укрепления своей власти в революционном террористическом кружке.

В самом начале 1870 года писатель разрывался в выборе следующего произведения, за которое он примется в наступившем новом году. У него на тот момент были готовы наброски ряда произведений: «Житие великого грешника», «Повесть о капитане Картузове», «Смерть поэта». Но писатель склонялся в пользу еще одного произведения, *романа о Князе и Ростовщике* (наброски опубликованы в 10-м томе 15-томного собрания сочинений Достоевского).

Однако 23 января 1870 года бесповоротный выбор был сделан неожиданно в пользу будущих «Бесов». И причиной этого послужила история убийства студента *Ивана Иванова*,

о которой тогда говорили не только в Москве и Петербурге, но и по всей России. Но, кроме этого, Федор Михайлович в то время узнал многие подробности из рассказов брата своей жены, *Ивана Сниткина*, студента Петровской академии, который лично знал как самого Иванова, так и некоторых из его убийц. И роман моментально «сложился» в голове писателя. Произведение создавалось достаточно быстро. В 1871–1872 годах в печати поочередно выходили его части.

Роман писался отнюдь не для полемики с революционерами и попытки «понять» их. А ведь именно так (толерантно и даже заигрывая) относились к ним представители интеллигенции. Роман звучал как обвинение либеральной интеллигенции – таких его представителей, как идеолог западничества, историк и философ *Тимофей Михайлович Грановский* (его прототипом в романе выступает *Степан Трофимович Верховенский*) и писатель-либерал *Иван Сергеевич Тургенев* (литературный прототип – писатель *Семен Егорович Кармазинов*). Именно по причине потворства безбожной интеллигенции в России народились «нечаевы», «ткачевы» и прочие «бесы».

Надо сказать, что в других романах «Пятикнижия» Достоевский очень подробно и интересно раскрывает такие детали социально-экономического фона жизни его героев, как ростовщичество, коррупция, учредительство акционерных обществ, торговый и фабричный капитал, биржевые спекуляции, эксплуатация наемного труда, разорение помещиков

и крестьян, появление люмпен-пролетариев в городах, появление публичных домов и игорных заведений и т. п. Все отношения людей начинают опосредоваться деньгами. Даже страстная любовь начинает подменяться капиталом (вспомним, например, историю *Настасьи Филипповны* из романа «Идиот»). А вот в романе «Бесы» на первое место выходят вопросы политические. Писатель не на шутку обеспокоен тем, что Россия в результате деятельности революционеров-бесов может вообще погибнуть.

События во многих романах Достоевского происходят в столице Российской империи – Санкт-Петербурге. Но вот в «Бесах» мы видим жизнь неназванного губернского города. Тем самым писатель хочет подчеркнуть, что описываемые события и люди типичны для всей России.

В круг людей, которых можно условно назвать «интеллигенцией» и «элитой», входят такие герои романа, как *Степан Трофимович Верховенский*, *Варвара Петровна Ставрогина*, *Семен Егорович Кармазинов*, губернатор *Андрей Антонович фон Лембке*, *Юлия Михайловна фон Лембке* (жена губернатора) и другие. Сюда можно также причислить многочисленную «творческую» богему, посещающую литературный салон, который в Петербурге организовала Варвара Петровна Ставрогина.

Первые из двух названных выше лиц – основные герои, они в центре внимания рассказчика. Особенно Степан Трофимович Верховенский – «интеллектуал», «мыслитель»,

«философ», оторвавшийся от русских корней, весьма очарованный западной культурой, еще не атеист, но уже агностик: «А между тем это был ведь человек умнейший и даровитейший, человек, так сказать, даже науки, хотя, впрочем, в науке... ну, одним словом, в науке он сделал не так много и, кажется, совсем ничего. Но ведь с людьми науки у нас на Руси это сплошь да рядом случается». Между прочим, он отец другого главного героя, Петра Верховенского. Формальный муж богатой и властной Варвары Петровны Ставрогиной, фактически находится на ее содержании. Следует также обратить внимание, что повествование ведется от имени Антона Лаврентьевича Г-ва – молодого человека либеральных убеждений, вхожего в высшее общество города. Он ближайший друг («конфидент») Степана Трофимовича Верховенского.

Намного шире круг тех, кого можно отнести к категории «бесов» (революционеры, нигилисты, террористы): *Петр Степанович Верховенский* (главный «бес» в романе), *Николай Всеволодович Ставрогин*, *Сергей Васильевич Липутин*, *Алексей Нильч Кириллов*, прапорщик *Эркель*, *Иван Павлович Шатов*, *Шигалев* (главный идеолог «бесов»). Первых двух также следует отнести к главным героям романа.

В романе имеется еще масса героев, которые относятся к группе «наши» (так в романе называются члены тайной террористической организации): *Лямышин*, *Виргинский*, *Толкаченко* и др. Кстати, как созвучно название с молодежным

движением «Наши», которое возникло в России (в 2005 году) и, слава Богу, умерло на наших глазах (2013).

Что касается положительных героев, то их немного. Это *Лизавета Николаевна Тушина (Лиза), отец Тихон, Хромножка (Мария Тимофеевна Лебядкина), Дарья Тимофеевна Шатова.*

Наконец, множество героев, которые выступают не в качестве «активных бесов», но своим поведением и высказываниями помогают писателю воссоздать ту напряженную, нездоровую атмосферу, которая воцарилась в 60-е годы позапрошлого столетия в России. Это *Мария Шатова (Marie), Хромой, Федька Каторжный, Павел Павлович Гаганов, Артемий Павлович Гаганов, Иван Тимофеевич Лебядкин (капитан Лебядкин).*

Некоторые герои на протяжении романа меняются. Прежде всего, это касается *Ивана Павловича Шатова*, который начинает прозревать и не желает более сотрудничать с «бесами». Кстати, некоторые исследователи творчества Федора Михайловича усматривают, что в образе Шатова Достоевский выписал свой автопортрет. Некогда в молодости писатель был нигилистом, петрашевцем, но за время своего восьмилетнего пребывания в тюрьме и ссылке переосмыслил всю свою жизнь. Если так можно выразиться, «из Савла стал Павлом». Петр Верховенский и другие «бесы» не желают выпускать из своих цепких лап жертву – Шатова. Подобно тому как Нечаев и его подельники убили студента Иванова, «бе-

сы» из романа Достоевского убивают Шатова. Это одно из главных сюжетных событий романа.

Следует сказать, что «Бесы» – один из значительнейших романов Достоевского, роман-предсказание, роман-предупреждение. Роман входит в ряд русских антинигилистических романов, в книге критически разбираются идеи левого толка, в том числе и атеистические, занимавшие умы молодежи того времени. Достоевского нередко называют писателем-пророком. Правильнее, наверное, говорить не о пророчествах, а о прозрениях писателя (различия в этих понятиях я объясняю в своей книге *«Ангелы и демоны литературы»*, которая вышла в прошлом году в издательстве «Кислород»).

Чем живут и дышат «бесы»? Вот фрагмент разговора двух других «бесов» – главного идеолога Шигалева и одного из группы «наших», члена революционной «пятерки» Лямшина: «Я предлагаю не подлость, а рай, земной рай, и другого на земле быть не может, – властно заключил Шигалев. – А я бы вместо рая, – вскричал Лямшин, – взял бы этих девять десятых человечества, если уж некуда с ними деваться, и взорвал их на воздух, а оставил бы только кучку людей, образованных, которые и начали бы жить-поживать по-ученому».

Один из наиболее ярких и запоминающихся фрагментов романа – обращение Петра Верховенского, главного «беса», к Николаю Ставрогину. Верховенский склонял Ставрогина к тому, чтобы он стал официальным лидером, а точнее «знаменем» нигилистов и революционеров: «Ставрогин, вы кра-

савец! – вскричал Петр Степанович почти в упоении. – Знаете ли, что вы красавец! В вас всего дороже то, что вы иногда про это не знаете. О, я вас изучил! Я на вас часто сбоку, из угла гляжу!.. Вы мой идол! Вы никого не оскорбляете, и вас все ненавидят; вы смотрите всем ровней, и вас все боятся, это хорошо. К вам никто не подойдет вас потрепать по плечу. Вы ужасный аристократ. Аристократ, когда идет в демократию, обаятелен! Вам ничего не значит пожертвовать жизнью, и своею, и чужою. Вы именно таков, какого надо. Мне, мне именно такого надо, как вы. Я никого, кроме вас, не знаю. Вы предводитель, вы солнце, а я ваш червяк...»

И далее Верховенский раскрывает Ставрогину тайные цели и планы революционеров: «Ставрогин, мы сделаем смуту – все поедет с основ. Раскачка пойдет такая, какой еще мир не видал. Все рабы в рабстве равны. Первым делом, понижается уровень образования, наук и талантов. Не нужно высших способностей – их изгонят или казнят. Чуть-чуть семейство или любовь, вот уже и желание собственности. Мы уморим желание; мы пустим пьянство, сплетни, доносы; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве. Все к одному знаменателю, полное равенство. Все эти реформы нынешнего царства произвели то, что им нужно было произвести – волнения, а главное – беспорядок. Беспорядок – чем хуже, тем лучше. Кажется, это вы сказали, что если в России бунт начинать, то непременно чтоб с атеизма. Русский бог уже спасовал перед „дешевкой“. Народ

пьян, матери пьяны, дети пьяны, церкви пусты. Как только в наши руки попадет – мы, пожалуй, вылечим – и, если потребуется, мы на 40 лет в пустыню выгоним. Но одно или два поколения разврата теперь необходимо, разврата неслыханного, подленького, когда человек обращается в гадкую трусливую, жестокую, себялюбивую мразь – вот чего надо! А тут еще свеженькой кровушки подпустить, чтобы попривык.»

«Откровения» Верховенского пострашнее, чем то, что можно прочесть в разных «тайных» документах более поздних времен (типа «Протоколов сионских мудрецов» или «Доктрины Даллеса»). Самое удивительное, что главный «бес» Верховенский на самом деле никаких «высших целей» перед собой не ставит. В порыве откровения он признается, что ему даже и на социализм наплевать, он просто мошенник: «Я мошенник, а не социалист. Ха-ха-ха!.. Мошенник, мошенник. Вас заботит, кто я такой? Я вам скажу сейчас, кто я такой, к тому и веду. Недаром же я у вас руку поцеловал. Но надо, чтоб и народ уверовал, что мы знаем, чего хотим...»

Оказывается, высшая идея главного «беса» – не социализм или какая-то иная форма организации «рая на земле», а разрушения и убийства: «Мы провозгласим разрушение. почему, почему, опять-таки, эта идея так обаятельна! Но надо, надо косточки поразмять. Мы пустим пожары. Мы пустим легенды. Тут каждая шелудивая „кучка“ (имеется в виду подпольная ячейка типа той, которая называлась в романе „наши“. – В. К.) пригодится. Я вам в этих же самых куч-

ках таких охотников отыщут, что на всякий выстрел пойдут, да еще за честь благодарны останутся. Ну-с, и начнется смута! Раскачка такая пойдет, какой еще мир не видал. Затуманится Русь, заплачет земля по старым богам.»

Российская интеллигенция в штыки встретила роман «Бесы». Достоевского обличали в искажении правды, преувеличениях и даже клевете. При жизни писателя роман не получил должного признания в среде образованной части населения, которая увлекалась новомодными теориями, особенно марксизмом. О пророческих (точнее провидческих) словах писателя из романа «Бесы» вспомнили лишь в бурные годы первых двух десятилетий XX века, когда Россию накрыли массовые беснования в виде трех «русских» революций и гражданской войны. И тогда некоторые интеллигенты пришли в себя и бросились перечитывать роман Достоевского. Так, в разгар революций известный русский философ *Николай Бердяев*, не избежавший в начале своей творческой карьеры некоторых искушений либерализмом, издал сборник своих статей о революции под названием «Из глубины» (1918). Одна из наиболее интересных статей сборника имеет название «Духи русской революции». Она представляет собой размышления философа по поводу романа «Бесы»: «Достоевский открыл одержимость, бесноватость в русских революционерах. Он почувствовал, что в революционной стихии активен не сам человек, но что им владеют нечеловеческие духи. Когда в дни осуществляющейся революции перечиты-

ваешь „Бесы“, то охватывает жуткое чувство. Почти невероятно, как можно было все так предвидеть и предсказать».

В конце прошлого и начале нынешнего века Россию накрыла новая волна массовых беснований, которая началась с «реформ» *Горбачева*, а затем продолжилась и усилилась при *Ельцине*. Я рассчитываю, что читателю не надо разжевывать, что слова писателя о «раскачке», о «беспорядке», о «понижении уровня образования, наук и талантов», о «равенстве в рабстве», о «разврате неслыханном и подленьком», о «реформах нынешнего царства», о «пьянстве, сплетнях и доносах» и т. п. – все это о нашей сегодняшней России и ее гражданах.

Если проводить параллели, то мы и сегодня видим Верховенских, причем они уже не тайные руководители каких-то подпольных «кучек», они сегодня во власти. Они ненавидят русский народ, они не скрывают и своей ненависти к Достоевскому, который вскрыл планы революционеров, показал их бесовскую природу. Наверное, почти ни у кого не возникает сомнений по поводу того, что господин *Чубайс* — из разряда тех «бесов», о которых писал Достоевский. А вот отношение самого Чубайса к Достоевскому: «Вы знаете, я перечитывал Достоевского в последние три месяца. И я испытываю почти физическую ненависть к этому человеку. Он, безусловно, гений, но его представление о русских как об избранном, святом народе, его культ страдания и тот ложный выбор, который он предлагает, вызывают у меня жела-

ние разорвать его на куски». – Типичная реакция одержимого бесами!

Но есть бесноватые, в которых бес вселяется по попущению Бога и которые потом могут от этого беса избавиться (исцелиться). В христианской литературе описаны тысячи случаев подобного рода. Но вот есть другая категория людей. *Святитель Николай Сербский* не раз говорил, что всех людей можно разделить на три категории: богоподобные, звероподобные и бесоподобные. Последних не стоит путать с обычными бесноватыми. Последние – бесы в человеческом обличье. *Святой праведный Иоанн Кронштадтский* по-своему объяснял этот феномен бесоподобия. Он говорил, что в последние десятилетия XIX века в России появляется все больше бесноватых среди интеллигенции. Это новый вид бесноватых. Если у «классических» бесноватых бес вселяется в тело, то у российской безбожной и богоборческой интеллигенции бес вселяется в ум. А это намного страшнее. И верховенские, и чубайсы – именно такой новый тип бесноватых, это уже бесоподобные.

Достоевский дает понять читателю, что нигилисты и революционеры типа Верховенского – «бесы» не в переносном смысле, а в буквальном. Ибо высшими «идеями» настоящих бесов являются ложь, убийства и разрушения. Об этом прямо написано в Евангелии от Иоанна (слова Иисуса Христа): *«Ваш отец – диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял*

в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Ин. 8:44). Верховенский и Ко – «бесы», принявшие человеческое обличие. Бес главной целью имеет довести человека до убийства и самоубийства – чтобы он повесился, утопился, застрелился, отравился. Но перед этим – как можно больше других отправил на тот свет. Говорят, что философия суицида появилась во Франции в XX веке, авторами соответствующей теории, подталкивающей человека к суициду, являются *Жан-Поль Сартр* и *Альбер Камю*. На самом деле вся эта дьявольская «философия» еще за несколько десятков лет до французов была озвучена героем романа Достоевского Алексеем Кирилловым.

Федор Михайлович совершенно не случайно ставит в качестве эпиграфа к своему роману выдержку из Евангелия, посвященную истории исцеления гадаринского бесноватого: *«Тут на горе паслось большое стадо свиней, и бесы просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы, вышедши из человека, вошли в свиней; и бросилось стадо с крутизны в озеро, и потонуло. Пастухи, увидя случившееся, побежали и рассказали в городе и по деревням. И вышли жители смотреть случившееся, и пришли к Иисусу, нашли человека, из которого вышли бесы, сидящего у ног Иисусовых, одетого и в здравом уме; и ужаснулись. Видевшие же рассказали им, как исцелился бесноватый»* (Лк. 8:32–36).

Эта история была воспринята писателем как надежда на

исцеление ставшей бесноватой России. Федор Михайлович верит, что в Россию придет Спаситель и избавит ее от легиона бесов, мучавших и терзавших народ. Что все эти бесы переселятся в стадо свиней. Что свиньи бросятся в море с обрыва. И после этого в России наступит мир и покой. А она, как сказано в Евангелии, подобно исцеленному бесноватому, опять будет «сидеть у ног Иисусовых», «одета» и «в здоровом уме».

В конце своей жизни главный герой романа, Степан Трофимович Верховенский, начинает прозревать, причем, что удивительно, он неожиданно вспоминает известную ему еще с детства историю о гадаринском бесноватом. И уже на краю могилы до Верховенского доходит, наконец, глубинный смысл этого евангельского сюжета: «Друг мой, – произнес Степан Трофимович в большом волнении, – *savez-vous*, это чудесное и. необыкновенное место было мне всю жизнь камнем преткновения. *dans ce livre*. [вы знаете. в этой книге. – фр.] так что я это место еще с детства упомянул. Теперь же мне пришла одна мысль; *une comparaison*. [одно сравнение. – фр.] Мне ужасно много приходит теперь мыслей: видите, это точь-в-точь как наша Россия. Эти бесы, выходящие из больного и входящие в свиней, – это все язвы, все миазмы, вся нечистота, все бесы и все бесенята, накопившиеся в великом и милом нашем больном, в нашей России, за века, за века! *Oui, cette Russie, que j'aimais toujours*. [Да, Россия, которую я любил всегда. – фр.] Но великая мысль и вели-

кая воля осенят ее свыше, как и того безумного бесноватого, и выйдут все эти бесы, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхности. и сами будут проситься войти в свиней. Да и вошли уже, может быть! Это мы, мы и те, и Петруша et les autres avec lui [и другие вместе с ним. – фр.], и я, может быть, первый, во главе, и мы бросимся, безумные и взбесившиеся, со скалы в море и все потонем, и туда нам дорога, потому что нас только на это ведь и хватит. Но больной исцелится и „сядет у ног Иисусовых" ... и будут все глядеть с изумлением.»

Многие считают «Бесов» одним из самых мрачных произведений Достоевского. И я так же думал. Но вот перечитал его еще раз и понял: роман помогает нам глубже осмыслить евангельскую историю о бесах гадаринской страны и вселяет надежду, что Россия вновь «сядет у ног Иисусовых, одетой и в здоровом уме».

Наука вместо Бога?

Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом, как написано: уловляет мудрых в лукавстве их.

И еще: Господь знает умствования мудрецов, что они суетны.

1 Кор. 3:19–20

Ученость, предоставленная самой себе, есть самообольщение, есть бесовский обман, есть знание, преисполненное лжи и ставящее ученого в ложное отношение и к себе, и ко всему. Ученость есть мерзость и безумие перед Богом; она – беснование.

Святитель Игнатий (Брянчанинов). Слово о человеке

Роман «Бесы» о «мудрости мира сего» (речь Ивана Шатова)

Роман «Бесы» был написан Достоевским почти полтора столетия назад (1871–1872). Это произведение Федора Михайловича называют одним из самых пророческих. В «Бесах» писатель предвидел трагические события трех так называемых «русских» революций (1905–1907, февральской и октябрьской 1917 года). Однако актуальность романа ни-

чуть не померкла за истекшие полтора столетия. Если внимательно вчитываться в «Бесов», то многое из того, что в них описано, можно увидеть в сегодняшней жизни России. В нашем Отечестве народилось новое поколение «бесов», которые, подобно героям романа *Петру Верховенскому* и *Шигалеву*, вынашивают планы посеять в стране великую смуту и пролить большую кровь.

Одним из героев романа является *Иван Павлович Шатов*. Он даже не относится к группе главных героев, его обычно включают во второй ряд. Пробразом его послужил *И. И. Иванов*, убитый «Народной расправой» (собственно, это убийство и дало толчок к написанию романа). Иван Павлович Шатов – сын камердинера Варвары Петровны Ставрогинной, также относящейся к группе главных героев. В молодости был исключен из университета, немало путешествовал по Европе и был даже в Америке.

Вокруг Шатова в романе закручивается интрига, которая кончается тем, что Ивана убивают «бесы» (кучка заговорщиков под предводительством Петра Верховенского). И по этой причине все читавшие роман, конечно, хорошо помнят Шатова. Заговорщическая интрига вокруг Шатова захватывающая и интересная, но, наверное, интереснее сам Иван с его мыслями и словами. Некоторые высказывания Ивана Шатова очень глубоки, порой весьма неожиданны и надолго остаются в памяти читателя. Они превратились почти в афоризмы:

«Атеист не может быть русским», «Не православный не может быть русским», «Наш русский либерал прежде всего лакей и только и смотрит, как бы кому-нибудь сапоги вычистить», «Нельзя любить то, чего не знаешь!», «Признак уничтожения народностей, когда боги начинают становятся общими», «Добудьте Бога трудом!»

А кто, например, не знает характеристику русского народа как «народа-богоносца»? – А ведь это выражение из речи Ивана Шатова, который горячо дискутировал с *Николаем Ставрогиным*, одним из главных героев романа. Кстати, разговор между Шатовым и Ставрогиным (вторая часть, главы 6 и 7 романа) является одним из важнейших мест произведения. В этом разговоре в основном говорит Иван, а Николай больше слушает, ограничиваясь короткими ответами на вопросы Шатова, а также отдельными репликами и комментариями.

Очень рекомендую прочитать (или перечитать) эти две главы романа. Как отмечают исследователи творчества Достоевского, писатель вложил в уста Шатова собственные мысли. Шатов, как и сам Достоевский, всю жизнь проходил через «горнило сомнений». Шатов, как и Достоевский, был членом революционной подпольной группы, но разочаровался в идеях нигилистов и решил порвать с «бесами». На вопрос Ставрогина, верует ли сам Шатов в Бога, тот отвечает: «Я... я буду веровать в Бога...»

Из того, что Иван Шатов говорил Ставрогину, я особо хо-

чу выделить ту часть, которая касается его рассуждений о науке и разуме. Слова, заслуживающие того, чтобы над ними поразмыслить:

«Ни один народ, – начал [Шатов], как бы читая по строкам и в то же время продолжая грозно смотреть на Ставрогина, – ни один народ еще не устраивался на началах науки и разума; не было ни разу такого примера, разве на одну минуту, по глупости. Социализм по существу своему уже должен быть атеизмом, ибо именно провозгласил, с самой первой строки, что он установление атеистическое и намерен устроиться на началах науки и разума исключительно. Разум и наука в жизни народов всегда, теперь и с начала веков, исполняли лишь должность второстепенную и служебную; так и будут исполнять до конца веков».

Наука становится богом

Как эти слова режут ухо современного человека, которому с младых ногтей внушают, что разум и наука – главный фактор, определяющий вектор развития человеческого общества! Впрочем, они уже резали ухо многим современникам Достоевского, особенно представителям «образованных» сословий. Наверняка, эти слова были необычны и для Николая Ставрогина, к которому обращался Шатов.

Представления о доминирующей роли науки и сопряженной с ней техники стали складываться в период перехода человечества от Средних веков к Новому времени. До этого, по мнению «просвещенных» умов времен Достоевского (особенно таких, как *Герцен, Белинский, Добролюбов, Чернышевский* и др.), на протяжении многих веков человечество находилось в состоянии «дикости», «предрассудков», «мрачного средневековья». Мол, это был период «застоя», «потерянного времени», «вычеркнутых страниц истории». И вот на арену европейской общественной жизни выходят философы и прочие мыслители, которые призывают активно заниматься выявлением тайн природы, открытием законов живой и неживой материи, применением этих законов для установления господства над силами природы, создания более совершенного общества и сотворения «счастливого» человека.

Английский философ, историк и политический деятель

Фрэнсис Бэкон (1561–1626) провозгласил знаменитый лозунг «Знание – сила». Был подхвачен афоризм французского философа, механика, математика и физика *Рене Декарта* (1596–1650): «Мало иметь хороший ум, главное – хорошо его применять». Английский философ *Томас Гоббс* (1588–1679) говорил: «В науках мы ищем причины не столько того, что было, сколько того, что могло бы быть».

Научное познание существовало и в Древнем мире, и во времена так называемого «мрачного средневековья». Но со времени, когда в Европе началась Реформация, стал складываться автономный институт под названием «наука», который не ограничивался пассивным постижением законов природы, но стал пытаться оказывать активное воздействие на эту самую природу, а также общество и человека. Поначалу наука не порывала с религией и Церковью. Но стала все более заметно добиваться сначала «автономии» от Церкви, а потом и претендовать на то, что может не хуже религии отвечать на любые вопросы человеческого бытия. В том числе на «вечные вопросы» о происхождении Вселенной, человека, о его душе, о судьбе человека после смерти, о том, что есть добро и зло, и т. д.

Наступил момент, когда наука заявила, что может вполне обходиться без религии и Церкви. Так, французский математик, физик и астроном *Пьер-Симон Лаплас* (1749–1827) в ответ на вопрос *Наполеона Бонапарта*, почему в трудах этого ученого не упоминается Бог, высокомерно ответил импе-

ратору: «Я в этой гипотезе не нуждаюсь». А еще позднее наука стала заявлять о том, что обладает монополией на истину, а Церковь и религия – пережиток прошлого. На такую позицию встали, в частности, французские философы эпохи «Просвещения» (XVIII век).

Так, *Дени Дидро* (1713–1784) заявил: «Человек никогда не станет свободным, пока он не изгонит Бога из своего разума». В связи с подобными «откровениями» ученых и философов-атеистов французский математик, физик и философ *Блез Паскаль* (1623–1662), сохранявший веру в Бога, не без иронии заметил: «Атеизм свидетельствует о силе ума, но силе весьма ограниченной». Да, возводившееся в Новое время грандиозное здание науки создавало впечатление роста ума, укреплявшейся силой человечества; однако ум и знание «просвещенных» ученых становились все более ограниченными, ибо они научились обходиться без Бога.

Наиболее завершенное «научное обоснование» атеизма было положено *Карлом Марксом* (1818–1883), которого еще при жизни восславили как «ученого», основателя «научного» коммунизма. Вот некоторые его высказывания о религии: «...Религия есть самосознание и самочувствование человека, который или еще не обрел себя, или уже снова себя потерял»². «Религия сама по себе лишена содержания, ее истоки находятся не на небе, а на земле, и с уничтоже-

² К критике гегелевской философии права. Введение (конец 1843 – январь 1844 г.) – К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 1, с. 414.

нием той извращенной реальности, теоретическим выражением которой она является, она гибнет сама собой»³. «Чем больше человек вкладывает в Бога, тем меньше остается в нем самом»⁴.

В XIX веке подобные заявления казались многим обывателям в Европе и «образованной» публике в России уже почти «аксиомами», которые никто не дерзал оспаривать. Наука заменила «образованным» людям Бога. В христианской Европе (до Реформации) почти все полагали, что ход истории определяется промыслом Божиим. А в Новое время Бога заменила наука и техника⁵.

Часть философов и ученых говорили, что направление развития общества может определять сам человек, используя для этого такой инструмент, как наука и техника. Мол, человек повзрослел, «вышел из пеленок» и сам стал богом. И этот человекобог с помощью науки и техники строит себе по своему проекту царство на земле. Мол, лучше «синица в руке» (рай земной), чем «журавль в небе» (Царство Божие на небе).

³ Маркс – Арнольду Руге в Дрезден (30 ноября 1842 г.) – К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 27, с. 370.

⁴ Экономическо-философские рукописи 1844 года. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 42, с. 88. (В редакционном примечании утверждается, что здесь Маркс воспроизводит одно из положений «Сущности христианства» немецкого философа Людвиг Фейербаха.)

⁵ См.: Катасонов В. Лжепророки последних времен. Дарвинизм и наука как религия. – М.: Кислород, 2017.

Тот проект рая земного, который захватил ум «прогрессивного» человечества на момент написания «Бесов», назывался «социализмом». Сам Достоевский в молодости увлекался идеями французского социалиста *Шарля Фурье* (1772–1837), но позднее разочаровался в них. В своих произведениях Федор Михайлович сравнивал социалистический проект с построением Вавилонской башни. По ходу отмечу, что другой социалист – француз *Анри Сен-Симон* (1760–1825) – отводил существенно большую роль науке и технике в деле построения будущего социалистического общества, чем Фурье. В 1808 году им была написана специальная работа «Введение в научные труды XIX века». В 1823 году им была опубликована работа «Катехизис индустриалов», в которой он особое внимание уделяет прикладному использованию науки в промышленности.

Другие апологеты говорили, что все-таки у науки и техники есть свои внутренние законы, которые человек должен постигать и учитывать в своей жизни. Т. е. настаивали на том, что богом все-таки является «наука и техника», а не человек. Тот же *Маркс* утверждал, что развитие общества всецело зависит от развития производительных сил (техники). Но от ответа на вопрос, чем определяется развитие самих производительных сил, он ушел.

Третьи акцентировали внимание на новых открытиях естественных наук, доказывавших, что все в этом мире детерминировано, в том числе поведение человека. Человек

низводился до физического объекта, атома с заранее заданной и просчитываемой траекторией движения. У него, мол, нет выбора, все предопределено. Наиболее последовательными сторонниками детерминизма были *Ф. Бэкон, Декарт, Лаплас, Галилей*, а позднее – некоторые французские просветители. Детерминизм неизбежно приводит к выводу: свобода, якобы данная человеку Богом, – фикция. Дело довершила «теория» *Чарльза Дарвина*, которая возвещала, что человек – не творение Бога, наделенное свободой, а продукт «случайных стечений обстоятельств», получивших «умное» название «эволюция»⁶.

В любом случае Бог, Которому христиане следовали на протяжении многих веков, оказался забытым. «Просвещенные люди» стали воспринимать Бога лишь как «предрассудок» или «атрибут традиционной культуры». А человек либо сам, на основе своего «суверенного» разума определяет, что есть добро и зло, и прокладывает свою жизненную траекторию на основе таких «суверенных» представлений. Либо (согласно другим представлениям) он «атом» во вселенной,двигающийся по законам физики, механики и биологии, и тогда вопрос о добре и зле вообще снимается с повестки дня. «Атом» не может влиять на свою траекторию, у «атома» не может быть никаких нравственных мучений.

Многие современники Достоевского были буквально за-

⁶ См.: Катасонов В. Лжепророки последних времен. Дарвинизм и наука как религия. – М.: Кислород, 2017.

ворожены научными открытиями и техническими нововведениями в XIX веке (электричество, телеграф и телефон, железнодорожный транспорт, фотография, электролиз, открытия в области органической химии, бессемеровский метод выплавки черных металлов, открытие клетки, зарождение микробиологии, первые опыты в области генетики и т. д.). Возникла иллюзия, что научно-технический прогресс становится решающим, чуть ли не единственным фактором, влияющим на жизнь общества и отдельного человека. *Фридрих Энгельс* под впечатлением достижений науки и техники поспешил сделать вывод: «... Наука движется вперед пропорционально массе знаний, унаследованных ею от предшествующего поколения, следовательно, при самых обыкновенных условиях она. растет в геометрической прогрессии»⁷.

Переиначивая слова Шатова, «просвещенные» люди века Достоевского рассуждали примерно так: «Разум и наука в жизни народов всегда, теперь и с начала веков, исполняли должность первостепенную и важнейшую; так и будут исполнять до конца веков». Так думали в Европе и еще более в России. В нашем Отечестве, как неоднократно подчеркивал Федор Михайлович в «Дневнике писателя» и других работах, европейские заблуждения приобретали гипертрофированный вид. «На западе Дарвинова теория – гениальная гипотеза, а у нас давно уже аксиома», – писал он в 1876 году.

⁷ Энгельс Ф. Наброски к критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф., Сочинения, Т. 1, – М.: «Политиздат», 1961, с. 568.

Целый ряд героев Достоевского выражают мысль писателя о том, что наука и техника без нравственного начала не в состоянии сделать человечество более сытым и счастливым. Вот, например, в романе «Идиот» есть герой, которого зовут *Лукьян Тимофеевич Лебедев*. Далеко не положительный герой. Часто бывает пьяненьким. Но его рассуждения (чаще всего в моменты, когда бывает пьяненьким) удивительно интересны. Особенно с учетом того, что этот герой значит-ся как знаток книги Апокалипсиса. Вот в одном из разговоров с участием Лукьяна Тимофеевича затрагивается вопрос о железных дорогах (события романа происходят в 60-е годы XIX века, когда и в России, и во всем мире начинается бурное развитие железнодорожного транспорта).

Железные дороги Лебедев называет олицетворением, «картиной, выражением художественным» человеческих надежд на то, что наука и техника накормят человечество и сделают его счастливым. Как говорит Лебедев, железные дороги «спешат, гремят, стучат и торопятся для счастья, говорят, человечества! „Слишком шумно и промышленно становится в человечестве, мало спокойствия духовного“, жалуется один удалившийся мыслитель. „Пусть, но стук телег, подвозящих хлеб голодному человечеству, может быть, лучше спокойствия духовного“, отвечает тому победительно другой, разъезжающий повсеместно мыслитель, и уходит от него с тщеславием. Не верю я, гнусный Лебедев, телегам, подвозящим хлеб человечеству! Ибо телеги, подвозящие хлеб

всему человечеству, без нравственного основания поступку, могут прехладнокровно исключить из наслаждения подвозимым значительную часть человечества, что уже и было...» И далее продолжение разговора: «„Эти телеги-то могут прехладнокровно исключить?“ – подхватил кто-то. „Что уже и было“, – подтвердил Лебедев». Уже после выхода в свет романа «Идиот» было бесчисленное количество случаев, когда «телеги переставали подвозить хлеб человечеству».

«Телеги с хлебом» и сегодня доходят далеко не до всех. И это следует понимать не аллегорически, а буквально. Значительная часть населения Земли, несмотря на впечатляющие достижения науки и техники, продолжает голодать, как она голодала во времена Достоевского. Вот, летом 2019 года вышел очередной доклад ООН «Состояние продовольственной безопасности». Из него мы узнаем, что число голодающих последние три года росло и составило 821 миллион человек. Это более 10 % общей численности населения на Земле. Плюс к этому 2 миллиарда человек едят некачественную пищу или недоедают. Это еще более четверти всего населения планеты.

На началах науки и разума народ устроиться не может

Очевидно, что Достоевский был против подобных воззрений (о первостепенной и важнейшей роли разума и науки в жизни народов). Этим его протестом наполнены все произведения писателя. Вот что, например, писал Достоевский в «Дневнике писателя» за 1873 год: «Все эти европейские высшие учителя наши, свет и надежда наша, все эти Милли, Дарвины и Штраусы преудивительно смотрят иногда на нравственные обязанности современного человека.

Дай всем этим учителям полную возможность разрушить старое общество и построить заново – то выйдет такой мрак, такой хаос, нечто до того грубое, слепое и бесчеловечное, что все здание рухнет, под проклятиями человечества, прежде чем будет завершено. Одна из современных фальшей»⁸.

⁸ Упоминаемый в отрывке Милль – Джон Стюарт Милль (1806–1873) – британский философ, социолог, экономист и политический деятель. Сторонник этического учения утилитаризма. Внес основополагающий вклад в философию либерализма. В отрывке также упоминается Давид Фридрих Штраус (1808–1874) – германский философ, историк, теолог и публицист. Исходя из принципов гегелевской философии, разбирая содержание Священного Писания, проводил мысль, что оно представляет собой набор мифов. Штраус не отрицал исторического существования личности Иисуса, но находил, что большая часть представлений о Нем имеет позднейшее происхождение. Он пытался выяснить, из каких греческих, еврейских и восточных элементов составились эти представления.

И вот заявление Ивана Шатова о том, что «ни один народ еще не устраивался на началах науки и разума», прозвучало как гром среди ясного неба. Это был вызов «образованной» публике России, которая в романе «Бесы» была представлена *Степаном Трофимовичем Верховенским, Варварой Петровной Ставрогиной, семейством фон Лембке* (губернатор и его жена), *Семеном Егоровичем Кармазиновым*. Не лишены некоторых упований на науку и разум также некоторые из тех героев романа, которые относятся к «бесам».

И вот Шатов как бы встряхивает Николая Верховенского, напоминает ему азбучную истину: «Народы слагаются и движутся силой иною, повелевающею и господствующею, но происхождение которой неизвестно и необъяснимо. Эта сила есть сила неутолимого желания дойти до конца и в то же время конец отрицающая. Это есть сила непрерывного и неустанного подтверждения своего бытия и отрицания смерти. Дух жизни, как говорит писание, „реки воды живой“, иссякновением которых так угрожает Апокалипсис. Начало эстетическое, как говорят философы, начало нравственное, как отождествляют они же. „Искание Бога“, как называю я всего проще».

Да, конечно, Шатов не богослов и даже не церковный человек, он ищущий, мятущийся, пока еще агностик. Но сердце ему подсказывает, что надо «искать Бога» и что наука и разум не могут заменить человеку Бога. Он рассуждает «от обратного», говорит, где Бога не надо искать.

Очень жестко о науке говорит в романе «Братья Карамазовы» Великий инквизитор. Он считает, что слабое и слепое человечество, не умеющее пользоваться свободой, будет пытаться полагаться на свой разум и науку. И они (разум и наука) заведут слепое человечество в окончательный тупик. «Свобода, свободный ум и наука заведут их (*людей*. – В. К.) в такие дебри и поставят перед такими чудами и неразрешенными тайнами, что одни из них, непокорные и свирепые, истребят себя самих, другие, непокорные, но малосильные и несчастные, истребят друг друга, а третьи, оставшиеся, слабосильные и несчастные, приползут к ногам нашим и возопиют к нам: „Да, вы были правы, вы одни владели тайной Его (*Духа, искушавшего Христа в пустыне*. – В. К.), и мы возвращаемся к вам: спасите нас от себя самих"».

О полунауке и полуинтеллигентах

Наука, как правильно замечает Шатов, не может определить, где добро, а где зло. Особо он обрушивается на так называемую *«полунауку»*, которая может увести человека окончательно в болото и уничтожить: «Никогда разум не в силах был определить зло и добро, или даже отделить зло от добра, хотя приблизительно; напротив, всегда позорно и жалко смешивал; наука же давала разрешения кулачные. В особенности этим отличалась полунаука, самый страшный бич человечества, хуже мора, голода и войны, не известный до нынешнего столетия. Полунаука – это деспот, каких еще не приходило до сих пор никогда. Деспот, имеющий своих жрецов и рабов, деспот, пред которым все преклонилось с любовью и суеверием, до сих пор немислимым, пред которым трепещет даже сама наука и постыдно потекает ему». Итак, полунаука стала богом «просвещенного» человечества, причем деспотическим. Этот бог дает такие способы разрешения человеческих проблем, которые герой Достоевского назвал «кулачными». Он также обратил внимание на то, что даже настоящая наука стала пасовать перед полунаукой. Как пример: наука второй половины XIX века не смогла дать должного отпора дарвинизму (который можно назвать не только полунаукой, но даже лженаукой) и в XX веке он захватил все так называемые «храмы науки» (универ-

ситеты, с кафедр которых стала преподаваться теория эволюции и учение о происхождении человека от обезьяны).

На мысль Достоевского о полунауке в романе «Бесы» обратил внимание русский философ *Иван Ильин*. Представителем такой полунауки, как отмечает Ильин, является *полуинтеллигент*, который посмеивается над религией и слепо верит в науку и технику: «Полуинтеллигент есть человек весьма типичный для нашего времени. Он не имеет законченного образования, но наслушался и начитался достаточно, чтобы импонировать другим „умственной словесностью“. В сущности, он не знает и не имеет ничего, но отнюдь не знает, где кончаются его знание и умение. Он не имеет своих мыслей, но застрашивает себя и других чужими штампованными формулами; а когда он пытается высказать что-нибудь самостоятельное, то сразу обнаруживает свое убожество. Сложность и утонченность мира, как Предмета, совершенно недоступна ему: для него все просто, все доступно, все решается сплеча и с апломбом. Главный орган его – это чувственное восприятие, обработанное плоским рассудком. Духа он не ведает; над религией посмеивается; в совесть не верит; честность есть для него „понятие относительное“. Зато он верит в технику, в силу лжи и интриги, в позволенность порока»⁹.

Еще до Ильина понятие «полуинтеллигенты» использовал писатель *А. В. Амфитеатров*, который об этой публике писал следующее: «Во-первых, подавляющий процент ее со-

⁹ Ильин И. А. Наши задачи // Зависть как источник бедствий

става, – то, что вы называете – полуинтеллигенты: люди не с образованием, но и не без образования; дикари, хватившие верхушки культуры, и – увы, как всегда почти бывает, верхушки не добродетелей ее, но пороков¹⁰.

¹⁰ Амфитеатров А. В. Уголовная чернь, из сборника «Бабы и дамы» 1892–1902.

Полуинтеллигенты Достоевского

Если применить понятие «полуинтеллигента» в определении Ильина к романам Достоевского, то, наверное, половину их героев можно отнести к разряду полуинтеллигентов. Многие исследователи творчества Достоевского обращают внимание на то, что основные герои романов писателя имеют свои «теории». Например, Раскольников из «Преступления и наказания», Лебедев и Ипполит из «Идиота», Аркадий Долгорукий из «Подростка», Шигалев из «Бесов», Иван Карамазов из «Братьев Карамазовых» и другие. «Теории» эти, как правило, не придуманы самими героями, не «высосаны из пальца». Чаще всего, они заимствованные, причем первоисточниками оказываются теории, которые были созданы в Европе. Сами герои неоднократно в своих разговорах упоминают имена этих «авторитетов»: Фурье, Вольтера, Руссо, Платона, Мальтуса, Милля и других. Есть основания полагать, что лишь немногие из героев Достоевского действительно серьезно изучали работы «авторитетов». Чаще всего идеи «авторитетов» воспринимались из газет, журналов, переводных романов и особенно из разговоров с более информированными людьми. Таким образом, этих «идейных» героев можно записать в разряд полуинтеллигентов. В их головах собраны обрывки разных теорий и учений (почти исключительно тех, что пришли в Россию из Европы). Но все

это не переваренная умом мешанина.

Полуинтеллигентов много и среди не самых главных героев. Так, например, все основные герои «Бесов» из группы заговорщиков вполне могут претендовать на звание полуинтеллигентов: *Петр Верховенский, Шигалев, Виргинский, Липутин, Лямшин, Толкаченко, Кириллов.*

Так, главным идеологом и «умственно подготовленным» членом группы заговорщиков считается *Шигалев*. Достоевский рисует портрет этого героя, который выглядит карикатурно. Петр Верховенский с восторгом говорит Николаю Верховенскому: «Шигалев гениальный человек! Знаете ли, что это гений вроде Фурье; но смелее Фурье, но сильнее Фурье; я им займусь. Он выдумал „равенство"!»

И вот на заседании «У наших» (заговорщиков) Шигалев собирается читать «толстую и чрезвычайно мелко исписанную тетрадь». Он создатель новой системы «устройства мира» – шигалевщины. Вот заявление Шигалева перед собранием: «Я хотел изложить собранию мою книгу по возможности в сокращенном виде; но вижу, что потребуется еще прибавить множество изустных разъяснений, а потому все изложение потребует по крайней мере десяти вечеров, по числу глав моей книги. (Послышался смех.) Кроме того, объявляю заранее, что система моя не окончена. (Смех опять.) Я запутался в собственных данных, и мое заключение в прямом противоречии с первоначальной идеей, из которой я выхожу. Выходя из безграничной свободы, я заключаю безгра-

ничным деспотизмом. Прибавлю, однако ж, что, кроме моего разрешения общественной формулы, не может быть никакого».

Шигалев в своем докладе предлагает для построения рая на земле разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми. Естественно, что первая часть – образованные граждане, приобщенные к науке; остальные – темная масса. Слушатели в недоумении: что же это за рай, если в нем будут такое вопиющее неравенство и несправедливость? Действительно, Шигалев приходит к неожиданному для него и слушателей выводу о «безграничном деспотизме». Но тут выход из этого противоречий предлагает один из «бесов» Лямшин: «А я бы вместо рая... взял бы этих девять десятых человечества, если уж некуда с ними деваться, и взорвал их на воздух, а оставил бы только кучку людей образованных, которые и начали бы жить-поживать по-ученому»¹¹. Естественно, Лямшин исходит из того, что в оставшуюся кучку людей войдет и он как «образованный». Все «бесы» из подпольной группы считают себя «образованными»!

Петр Верховенский, самый главный «бес» романа, полагает, что, когда они («бесы») захватят власть и установят дик-

¹¹ Примечательна реакция Шигалева на эту реплику: «И, может быть, это было бы самым лучшим разрешением задачи! – горячо оборотился Шигалев к Лямшину».

татуру, то им надо будет в самом срочном порядке понижать образовательный уровень народа, всех выровнять по нижней планке. Ибо образованный народ опасен для власти: «Не надо образования, довольно науки! И без науки хватит материалу на тысячу лет, но надо устроиться послушанию. Жажда образования есть уже жажда аристократическая... мы всякого гения потушим в младенчестве. Все к одному знаменателю, полное равенство!»

Некоторые из героев, «заряженных» идеями европейских «авторитетов», при любом удобном случае начинают «просвещать» окружающих и порой напоминают не вполне здоровых на голову людей. Примером такого героя может служить *Ипполит* из романа «Идиот». Впрочем, Ипполит еще очень молод, ему лет 17, ему простительно. Но вот герой из романа «Преступление и наказание» *Андрей Семенович Лебезятников* постарше, чем Ипполит. Он очень любит рассуждать о науке, политике и правильном социальном устройстве. Систематических знаний не имеет, всего нахватался по верхам. В квартире, где проживает Лебезятников, к нему подселится Лужин. И Андрей Семенович начинает с упоением пересказывать своему новому соседу учение Фурье и теорию Дарвина. Достоевский представляет этого героя в карикатурном виде. Про Лебезятникова можно сказать: «Слышал звон, да не знает, где он».

Есть категория героев, которые не погружаются в суть идей, а просто демонстрируют перед окружающими свой

«интеллект». Тут невольно вспоминается коронная фраза из водевиля *А. П. Чехова* «Свадьба»: «Они хотят свою образованность показать и всегда говорят о непонятном». Диагноз вполне применимый к некоторым героям Достоевского. К таким, например, можно отнести напыщенного и довольного собой писателя *Кармазинова* из романа «Бесы».

Целый ряд героев использует разные теории для оправдания своих не очень нравственных (или даже совсем безнравственных) поступков. Например, *Петр Петрович Лужин* из романа «Преступление и наказание». Лужин – человек очень жадный, нацеленный на богатство, прагматичный и беспринципный. Конечно, Петр Петрович книг не читает, но стремится выглядеть «современным», «прогрессивным», «просвещенным». «Передовые» идеи эти он заимствует «через уши» от других (может быть, отчасти и от Лебезятникова, с которым соседствует в одной квартире). В разговоре с Разумихиным Лужин демонстрирует свои «прогрессивные» взгляды. Он приветствует начавшееся в последние годы распространение в русском обществе идей европейской науки, которые, по его мнению, постепенно освобождают молодежь от «предрассудков» традиционной культуры: «По моему же личному взгляду, если хотите, даже нечто и сделано: распространены новые, полезные мысли, распространены некоторые новые, полезные сочинения, вместо прежних мечтательных и романических; литература принимает более зрелый оттенок; искоренено и осмеяно много вредных преубеж-

дений... Одним словом, мы безвозвратно отрезали себя от прошедшего, а это, по-моему, уж дело-с.»

И в оправдание своего прагматичного поведения проповедует теорию разумного эгоизма: «Наука же говорит: возлюби, прежде всех, одного себя, ибо все на свете на личном интересе основано». Идея эта пришла в Россию из Европы, она заимствована у английского экономиста и философа *Иеремии Бентама* (1748–1832) и последователя Бентама – *Джона Стюарта Милля* (1806–1873)¹².

Что касается людей, которые профессионально занимаются наукой, то большинство из них также слепы и глухи к вопросам духовным. Вот, например, в романе «Идиот» князь *Мышкин* беседует с Рогожиным. И рассказывает ему историю своего случайного общения с одним «настоящим ученым»: «Утром ехал по одной новой железной дороге и часа четыре с одним С-м в вагоне проговорил, тут же и познакомился. Я еще прежде о нем много слыхивал, и между прочим, как об атеисте. Он человек действительно очень ученый, и я обрадовался, что с настоящим ученым буду говорить. Сверх того, он на редкость хорошо воспитанный человек, так что со мной говорил совершенно как с равным себе, по познаниям и по понятиям. В Бога он не верует. Одно

¹² В XX веке идеи разумного эгоизма возрождает американская писательница Айн Рэнд (1905–1982) в сборнике эссе «Добродетель эгоизма», повести «Гимн» и романах «Источник» и «Атлант расправил плечи». Миллионы американцев являются почитателями творчества и философии Айн Рэнд, которая помогает им оправдывать свой «разумный эгоизм».

только меня поразило: что он вовсе как будто не про то говорил, во все время, и потому именно поразило, что и прежде, сколько я ни встречался с неверующими и сколько ни читал таких книг, все мне казалось, что и говорят они, и в книгах пишут совсем будто не про то, хотя с виду и кажется, что про то. Я это ему тогда же и высказал, но, должно быть, неясно, или не умел выразить, потому что он ничего не понял...» Подобные «ученые» также с полным основанием могут быть отнесены к полуинтеллигентам.

В целом ряде произведений Достоевского герои рассуждают по поводу того, что наука в конце концов сумеет снять с человека ответственность за его поступки. Мол, поведение человека не определяется его свободной волей, а детерминировано «объективными причинами». Просто человечество еще не научилось выявлять в полной мере эти самые «объективные причины» и просчитывать их влияние на поступки каждого человека. Этакая «социальная механика», в рамках которой человек воспринимается как некий «атом» с заданной траекторией движения. Задача науки – вычислить эту траекторию. Тогда у человека будет, образно выражаясь, научно обоснованное алиби». Если, скажем, человек кого-то ограбил или даже убил, то это не вина человека, а результат действия «объективных причин». Рано или поздно наука, по мнению некоторых героев Достоевского, должна до всего докопаться, выступить бесстрастным адвокатом человека и в конечном счете объявить мораль и нравственность «ана-

хронизмом», следствием недостаточной развитости науки. Ярким примером героя, рассуждающего в подобном ключе рационализма и детерминизма, можно назвать вымышленного Достоевским автора «*Записок из подполья*». Вот фрагмент рассуждений этого героя: «...сама наука научит человека (хоть это уж и роскошь, по-моему), что ни воли, ни каприза на самом-то деле у него и нет, да и никогда не бывало, а что он сам не более, как нечто вроде фортепианной клавиши или органного штифтика; и что сверх того – на свете есть еще законы природы; так что все, что он ни делает, делается вовсе не по его хотенью, а само собою, по законам природы. Следственно, эти законы природы стоит только открыть, и уж за поступки свои человек отвечать не будет, и жить ему будет чрезвычайно легко. Все поступки человеческие, само собою, будут расчислены тогда по этим законам, математически, вроде таблицы логарифмов, до 100 000-й доли и занесены в календарь; или, еще лучше, появятся некоторые благонамеренные издания, вроде теперешних энциклопедических лексиконов, в которых все будет так точно исчислено и обозначено, что на свете уже не будет более ни поступков, ни приключений».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.